

УДК 343

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ГЕНОЦИДОМ В УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL COMMITMENTS IN THE SPHERE OF COMBATING GENOCIDE INTO THE CRIMINAL LAW OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Елена КОРОТИЧ,
начальник отдела
НПЦ Генеральной прокуратуры,
кандидат юридических наук, доцент

В статье рассмотрены основные направления имплементации норм Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года в национальное законодательство Республики Беларусь. Обращено внимание на отдельные аспекты перспективного развития белорусского уголовного закона в данной сфере.

Ключевые слова: имплементация; геноцид; предупреждение; уголовное законодательство; отрицание геноцида; реабилитация нацизма.

ВВЕДЕНИЕ

Основным источником международных обязательств в сфере борьбы с геноцидом более 75 лет остается Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. (далее – Конвенция 1948 года), нормы которой, с одной стороны, на этапе ее разработки позволили формализовать сложившийся на тот момент обычно-правовой запрет, с другой – стали основой появления новых норм международного обычного права в рассматриваемой сфере, что подтверждается решениями (иными актами) международных институтов и содержанием национального законодательства. Речь о практике расширения перечня защищаемых в контексте борьбы с геноцидом категорий населения (групп лиц), получившей отражение в нормах уголовных

законов ряда зарубежных государств (Франции, Финляндии и др.), решениях международных уголовных трибуналов (например, Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии), докладах экспертов (в частности подготовленный Комиссией экспертов, созданной на основании резолюции Совета Безопасности № 780 (1992), доклад о серьезных нарушениях международного гуманитарного права на территории бывшей Югославии).

Конвенция 1948 года – прежде всего источник международного уголовного права, нормы которого, в силу их несамоисполнимого характера, для применения на территории государства должны быть имплементированы в национальное законодательство. В доктрине международного права под имплементацией международных уголовно-правовых норм традиционно понимается такой способ воздействия

на уголовное право государства, при котором «уже существующая уголовно-правовая норма или (чаще) вводимая новая норма национального уголовного права адаптируется внутренним законодательством во исполнение международного договора» [1, с. 105]. И хотя появление в уголовном законе Республики Беларусь нормы об ответственности за геноцид часто связывается исключительно с принятием обязательств по Конвенции 1948 года, установление ответственности за такое деяние стало, скорее, реакцией государства на преступления, совершенные в годы Великой Отечественной войны. Подтверждает сказанное тот факт, что первые нормы, предусматривающие ответственность немецко-фашистских захватчиков, а также их пособников за убийства и истязания гражданского населения и военнопленных, появились еще до принятия Конвенции 1948 года, получив закрепление в Указе Президиума Верховного Совета БССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников».

Одно из основных направлений имплементации Конвенции 1948 года в национальное законодательство государств-участников определено в ст. V данного акта. В силу ее предписаний стороны обязуются принять необходимое законодательство, предусмотрев эффективные меры наказания для лиц, виновных в совершении геноцида или других деяний, упомянутых в ст. III. Несмотря на то, что в приведенной норме устанавливается наказание для виновных лиц, с точки зрения имплементации ее положений определяющее значение имеет факт криминализации геноцида в уголовном законе государства. В Беларуси это было реализовано в ст. 127 УК, которая предусматривает признаки данного преступления и закрепляет вид и размер подлежащего назначению наказания, причем безотносительно правового (в том числе должностного) статуса виновного лица, что позволяет говорить о следовании национально-уголовного закона и другому предписанию Конвенции 1948 года, изложенному в ст. IV.

Следует отметить, что требования Конвенции 1948 года о наказуемости геноцида и иных деяний, определенных в ст. III данного акта, обеспечиваются не только фактом закрепления ответственности за их совершение, но и уголовно-процессуальным механизмом, сформированным в правовой системе Беларуси и позволяющим учитывать особенности производства по уголовным делам о геноциде гражданского населения в годы Великой

Отечественной войны и послевоенный период, а именно:

– *осуществлять производство по уголовному делу в отношении обвиняемого, который находится вне пределов Республики Беларусь и уклоняется от явки в орган, ведущий уголовный процесс (институт специального производства)*. Этот механизм имеет особую практическую ценность в современных условиях, когда ряд государств, включая бывших союзников СССР по антигитлеровской коалиции, в нарушение международных обязательств укрывает на своей территории лиц, совершавших акты геноцида в годы Великой Отечественной войны, отказывает в их выдаче или оказании правовой помощи в связи с расследованием уголовного дела о геноциде белорусского народа;

– *возбуждать и расследовать уголовные дела в отношении умерших лиц (вне зависимости от решения их близких родственников)*, что не только позволяет обеспечивать реализацию принципа неотвратимости ответственности за наиболее тяжкое международное преступление, коим является геноцид, но и служит целям борьбы с фальсификацией истории Второй мировой и Великой Отечественной войн и предупреждения фактов героизации лиц, совершавших в указанный период преступления, определенные в Уставе Международного военного трибунала (в том числе деяния, характеризующиеся как геноцид), преступное поведение которых осталось без правовой оценки со стороны институтов международного или национального правосудия. По утверждению Ю. Каменецкого, «белорусский опыт законодательного закрепления и правоприменительной практики в данной сфере может послужить отправной точкой для соответствующих научных исследований в иных странах, пострадавших от нацизма» [2, с. 178].

Реализуя основное конвенционное обязательство – обеспечение наказания за совершение геноцида, **Беларусь полностью инкорпорировала в национальный уголовный закон международно-правовое определение названного преступления**. Те же признаки, которые отличают содержание противоправности геноцида в белорусском УК от конвенционного его понимания, не только не противоречат нормам Конвенции 1948 года (прежде всего в силу предписаний ее ст. V), но и позволяют преодолеть недостатки этого акта, на которые обращается внимание в юридической литературе [3, с. 143]. Так, в отличие от конвенционного определения геноцида в ст. 127 УК значительно расширен круг лиц, находящихся под защитой, что соответствует юридической природе данного

преступления, подтверждается современной международной судебной практикой [4, с. 279] и национальным законодательством ряда зарубежных государств. По сравнению со ст. II Конвенции 1948 года в УК Республики Беларусь скорректирован такой признак объективной стороны геноцида, как причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам защищаемой группы (п. «b»); исходя из положений национального законодательства (прежде всего Инструкции о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений, утвержденной постановлением Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 24 мая 2016 г. № 16), указанный в конвенционном определении вред здоровью охватывается признаками тяжких телесных повреждений.

Следует отметить, что имплементация «сверх требований» Конвенции 1948 года осуществлена Республикой Беларусь и в отношении юрисдикционной составляющей преследования за геноцид: в развитие предписаний ст. VI указанного акта, согласно которой лица, виновные в геноциде, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние (речь идет о национальном суде), **в белорусском уголовном законе предусмотрен универсальный принцип действия УК в отношении преступления геноцида.** Тем самым на национальном уровне преодолен недостаток Конвенции 1948 года, который использовался одним из нацистских преступников (А. Эйхманом) для обоснования невозможности привлечения его к ответственности. И хотя израильский суд отверг такое обоснование, ссылаясь на применимость международных обычных правил об универсальной юрисдикции, приведенный факт свидетельствует о слабости нормативного потенциала Конвенции 1948 года и юридической оправданности опыта национального уголовного закона (п. 1 ч. 3 ст. 6 УК).

Отдельного внимания заслуживают вопросы имплементации положений Конвенции 1948 года, которые предусматривают обязательство государств принимать **меры по предупреждению** геноцида. Превентивные нормы имеют особое значение в сфере противодействия любым проявлениям преступной активности. Очевидно, что их практическая ценность увеличивается в разы, когда речь идет о таком преступлении, как геноцид. Неслучайно в силу предписаний

Конвенции 1948 года невыполнение государствами-участниками обязанности предупреждать геноцид и связанные с ним деяния (определены в ст. III) признается единственным юридическим основанием их международно-правовой ответственности.

Несмотря на изложенное, превентивный потенциал Конвенции 1948 года крайне ограничен, вследствие чего и после ее принятия в мировой истории имели место новые факты геноцида. В этой связи следует упомянуть о заключении, изложенном в кратком докладе об обсуждении в рамках дискуссионной группы высокого уровня (далее – краткий доклад) в 2014 году. Его суть в следующем: если геноцид совершается, «это означает, что международное сообщество не выполнило своего обязательства и своей обязанности по его предупреждению» [5, с. 9]. Обсуждение краткого доклада состоялось почти через 10 лет после Всемирного саммита 2005 года, в ходе которого государства-участники приняли на себя «историческое обязательство», сформулированное в итоговом документе форума. В нем главам государств и правительств вменялась обязанность «защитить население путем предотвращения геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности».

Содержание краткого доклада отчетливо продемонстрировало серьезный разрыв между формулируемыми на международном уровне заявлениями и практическими действиями субъектов международного сообщества. С одной стороны, в нем отмечено, что «международное право требует, чтобы государства принимали надлежащие меры для проведения расследования в отношении лиц, совершивших акты геноцида, преследования их по закону и наказания виновных» и что «мощным инструментом сдерживания для предупреждения повторения актов геноцида» является «признание и осуждение совершенных в прошлом актов геноцида» [5, с. 8]. Имеется в виду не столько политическое признание и осуждение, сколько юридический аспект данного вопроса, предполагающий тесное сотрудничество государств в установлении, преследовании и предании суду лиц, в отношении которых имеются доказательства их вины в совершении преступления геноцида. С другой стороны – факты не только отказа в преследовании или выдаче

таких лиц, но и попытки их героизации, предпринимаемые в том числе теми государствами, которые приняли на себя «историческое обязательство» по итогам Всемирного саммита 2005 года, полностью нивелируют ценность международных стандартов в сфере борьбы с геноцидом. В этой связи вполне объяснима слабость нормативных предписаний и низкая эффективность реализации норм Конвенции 1948 года.

С точки зрения предупреждения фактов геноцида важно понимать, что это преступление относится к категории деяний, которые «никогда не совершаются неожиданно», а выступают «кульминацией долгого периода», на что обращалось внимание и на международном уровне [5, с. 4]. Основой формирования практики преследования и насилия в отношении целых сообществ (групп) людей, как правило, становится дискриминационная политика государств (прежде всего их руководства, представителей власти), о развитии которой, по данным Комитета по ликвидации расовой дискриминации, могут свидетельствовать такие факторы, как «систематическое и официальное отрицание наличия различных групп, предвзятое освещение исторических событий в целях демонизации отдельных групп и наличие политических лидеров, которые подогревают напряжение, исповедуя идеологию исключительности» [5, с. 4].

Приведенные факторы, сформулированные в кратком докладе, исторически выверены, поскольку подтверждаются предшествующей практикой развития геноцидных проявлений в мире, и по-прежнему актуальны, свидетельством чему являются:

- активно развивающаяся не только в странах коллективного Запада, но и, к сожалению, на постсоветском пространстве тенденция фальсификации хода и результатов Второй мировой войны, получающая отражение как на уровне псевдонаучных измышлений некоторых исследователей, так и в политических решениях и практических действиях ряда государств;
- проведение санкционной политики в отношении целых государств и народов по политически мотивированным предложениям и дискриминационное отношение (вплоть до преследования) к гражданам «неудобных» иностранных государств;
- непринятие мер по противодействию либо даже неприкрытое культивирование различных

проявлений нацистской идеологии (организованные марши последователей нацизма (фашизма), уничтожение памятников советским воинам-освободителям, преследование ветеранов Второй мировой войны и др.).

В целях борьбы с такими факторами **в Республике Беларусь выстроена и последовательно реализуется разнонаправленная система предупредительных мер** (в том числе совершенствование образовательного процесса, организация информационно-патриотических мероприятий, обустройство, содержание, текущий и капитальный ремонт воинских захоронений и захоронений жертв войн, подготовка и издание полиграфической продукции, связанной с событиями военной истории, совершенствование законодательства, проведение предметных научных исследований и т.д.), среди которых особое место отводится превентивным мерам охранительного (прежде всего уголовного) законодательства.

Предупреждение геноцида посредством превентивного потенциала уголовного закона обеспечивается прежде всего криминализацией самого акта геноцида. Помимо геноцида, ст. III Конвенции 1948 года ориентирует государств-участников на установление наказуемости таких деяний, как заговор с целью совершения геноцида, прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида, покушение на совершение геноцида, а также соучастие в нем, которые в Беларуси в полной мере охватываются имеющимся функционалом уголовного закона (институтами соучастия в преступлении и неоконченного преступления). В этой связи можно говорить о том, что и этот сегмент нормативных предписаний Конвенции 1948 года в полной мере реализован в национальной правовой системе.

При этом в содержании Особенной части УК Республики Беларусь предусмотрены и иные нормы, которые могут служить целям предупреждения рассматриваемого преступления посредством установления запрета на совершение деяний, могущих стать предпосылкой (фоновым явлением) для развития геноцидной практики поведения. Речь идет **об отрицании геноцида белорусского народа (ст. 130² УК)**. Криминализация данного деяния должна способствовать устранению (минимизации) субъективного фактора в причинном

комплексе развития негативных (противоправных) явлений, ведущих к формированию дискриминационных практик поведения как неизменно сопутствующих геноциду. Более того, как отмечают отдельные эксперты, «большинство ученых мира, занимающихся проблемами геноцида, сходятся во мнении, что само отрицание совершенных актов геноцида является продолжением геноцида» [5, с. 8]. В этом утверждении, заявленном на международном уровне, просматривается идея не только о противоправности отрицания геноцида, но и необходимости осуждения (наказания) за уже совершенный геноцид, поскольку только этот юридический факт может быть основой для констатации наличия в действиях виновного лица признаков отрицания геноцида.

Опыт криминализации отрицания геноцида известен уголовному законодательству отдельных государств. При этом зарубежное законодательство в ряде случаев предусматривает уголовно-правовой запрет не только отрицания геноцида, но и его одобрения и (или) оправдания. Можно, безусловно, согласиться с тем, что отрицание геноцида белорусского народа является специальной нормой по отношению к ст. 130¹ УК, предусматривающей ответственность за реабилитацию нацизма. Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» (далее – Закон № 103-З) одним из проявлений реабилитации нацизма является одобрение или отрицание преступлений против мира и безопасности человечества, военных и других преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала, либо приговорами национальных, военных и оккупационных трибуналов и т.д. Как известно, исходя из п. «с» ч. 2 ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала к числу преступлений против человечности отнесены убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие деяния, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, либо преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции этого трибунала. Очевидно, что содержание объективных признаков указанных деяний (с некоторой корректировкой) было положено в основу определения противоправности преступления геноцида и в нормах Конвенции 1948 года (ст. II). Вместе с тем с точки зрения системности

уголовного закона и требований нормотворческой техники, а также учитывая наличие отдельной нормы об ответственности за отрицание геноцида, такое распределение признаков, характеризующих, по сути, однопорядковые явления, по разным статьям УК выглядит искусственным.

В контексте отмеченного и с учетом важности задачи по предупреждению деяний, которые потенциально способны привести к развитию (возрождению) геноцидных форм поведения, представляется обоснованным **расширение перечня действий, характеризующих объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 130² УК, за счет таких посягательств, как одобрение и (или) оправдание геноцида белорусского народа.** Последнее актуализирует необходимость уточнения признаков основного состава преступления, предусмотренного ст. 130¹ УК: дополнения диспозиции ч. 1 ст. 130¹ УК негативным признаком, предполагающим отсутствие в содеянном признаков деяния, предусмотренного ст. 130² УК.

Серьезным предупредительным эффектом в контексте имплементации Конвенции 1948 года обладают и нормы белорусского УК, которые устанавливают запрет на разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни (ст. 130), а также реабилитацию нацизма (ст. 130¹). При этом, учитывая содержание понятия «нацизм», предусмотренное в ст. 1 Закона № 103-З, особого внимания с точки зрения предупреждения геноцида заслуживает ст. 130¹ УК.

Уголовно-правовой запрет на реабилитацию нацизма появился в уголовном законе Беларуси только в 2021 году, что во многом объясняет незначительную практику применения ст. 130¹. Несмотря на данное обстоятельство, отдельные авторы уже отмечают необеспеченность указанной нормы должным экспертным сопровождением [6], что позволяет прогнозировать возможные проблемы правоприменения. Однако основанием для возникновения последних может стать и реализованный в УК подход к определению конструктивных признаков указанного преступления.

К слову, содержание противоправности реабилитации нацизма в уголовном законе не раскрывается. Для уяснения сущности данного преступления необходимо обращаться к Закону № 103-З, в абз. 6 ч. 1 ст. 1 которого приводится определение реабилитации нацизма и называются

формы поведения, в которых она может быть выражена. При этом содержание некоторых из предусмотренных в Законе № 103-З форм данного преступления непосредственно связывается с признаками деяний, которые были подтверждены (установлены) как приговором Международного военного трибунала, так и основанными на нем приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов. К примеру, в Нюрнберге в 1946–1949 годах состоялось 12 оккупационных процессов (Нюрнбергских военных трибуналов, созданных военным командованием США и организованных в зависимости от профессиональной принадлежности обвиняемых (например, врачи, судьи), характера совершенных деяний (в частности, процесс по делу о расовых преступлениях)), результаты работы которых обнаружить в свободном доступе фактически невозможно.

Такая сложная по технике описания уголовно-правовая норма, предполагающая обращение не только к нормам национального законодательства, но и знание норм международного права и иностранной правоприменительной практики, может вызвать проблемы, связанные с ее пониманием и применением.

Следует обратить внимание и на тот факт, что ряд терминов, которые использованы в за-

конодательном определении реабилитации нацизма, предполагают особое (в том числе отличное от уголовно-правового) смысловое наполнение, обусловленное предписаниями ст. 1 Закона № 103-З. Так, в контексте нормативного описания такой формы реабилитации нацизма, как героизация нацистских преступников и их пособников, остается не вполне очевидным соотношение таких понятий, как «нацистские преступники» и «пособники нацистским преступникам». Кроме того, данные формулировки обнаруживают и некоторые конструктивные недостатки, однако этот вопрос является предметом отдельного исследования.

Таким образом, в законодательство Республики Беларусь имплементированы основные международные стандарты в области предупреждения преступления геноцида и наказания за него. При этом использование в процессе имплементации механизмов трансформации позволило избежать появления в национальном законодательстве Беларуси тех недостатков, которые характерны для международной модели правового регулирования в рассматриваемой сфере (в отличие, например, от законодателей ряда государств постсоветского пространства, которые пошли по пути инкорпорации соответствующих международных правовых предписаний).

Elena KOROTICH, Head of Division of the Scientific and Practical Centre of the Prosecutor General's Office, Ph.D. of Juridical Sciences, Docent

The article considers the key directions of the implementation of the regulations of the United Nations Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide of 1948 into the national legislation of the Republic of Belarus and underlines certain aspects of prospective development of the Belarusian criminal law in the given sphere.

Key terms: implementation; genocide; prevention; criminal legislation; denial of genocide; rehabilitation of Nazism.

Список цитированных источников

1. Беляева, А. В. Имплементация норм международного уголовного права об ответственности за геноцид в российское уголовное законодательство / А. В. Беляева // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 3. – С. 105–108.
2. Каменецкий, Ю. Ф. Сущность и значение осуждения умерших нацистов за преступления без сроков давности / Ю. Ф. Каменецкий // Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 176–184.
3. Русанов, Г. А. Преступление геноцида как международное преступление / Г. А. Русанов // Журн. рос. права. – 2016. – № 7. – С. 141–149.
4. Кибальник, А. Г. Куда идет международная уголовная юстиция? / А. Г. Кибальник // Всерос. криминолог. журн. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 275–287.
5. Краткий доклад об обсуждении в рамках дискуссионной группы высокого уровня, посвященном шестидесятой годовщине Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // ООН. – URL: https://www.ohchr.org/files/A_HRC_27_24_RUS (дата обращения: 07.10.2024).
6. Король, А. В. Уголовно-правовой запрет реабилитации нацизма в Республике Беларусь / А. В. Король // Консультант-Плюс. Беларусь : справ.-правовая система (дата обращения: 07.10.2024).